

К истории формирования современного облика Трапезной палаты Андроникова монастыря

© 2022

УДК 728.81(470-25)"15"
ББК 85.11(2)
0.52

Поступила в редакцию 14.11.2022

Трапезная палата Андроникова монастыря представляет собой уникальный памятник начала XVI в. — одностолпную палату на подклете с пристроенными к ней в конце XVII — начале XVIII в. церковью Михаила Архангела и приделом в честь святого Иоанна Крестителя.

Здание является одной из старейших гражданских построек Москвы, на что обратил внимание уже А.А. Потапов, разглядевший за тем обликом, который получили палаты в XVII–XVIII вв., «большую древность постройки» [Потапов, 1902. С. 97–98].

В 1920-е гг. ансамбль монастыря неоднократно осматривался сотрудниками Центральных государственных реставрационных мастерских (далее — ЦГРМ) Петром Дмитриевичем Барановским и Дмитрием Петровичем Суховым. Ими фиксировалось состояние палат, а также Барановским был обнаружен терракотовый фриз, который он расчистил в одном «изразце»¹, что позднее им неоднократно подчеркивалось [Оксенюк, 2019. С. 150].

Но системное исследование здания палат и их научная реставрация начались только в 1940-е гг. и были во многом связаны с появившимся интересом к древнерусской архитектуре и культуре, а также с реорганизацией отечественной реставрационной отрасли, начавшейся после Великой Отечественной войны.

В апреле 1944 г. Андроников монастырь был осмотрен комиссией Главного управления охраны памятников (далее — ГУОП) под руководством П.Д. Барановского, в составе которой также были архитекторы Г.Т. Крутиков, Самойлов (без инициалов. — А.О.) и П.Н. Максимов.

1 ГНИМА. Ф.Р-ХIV. Оп.9. Д.66. Л.12.

ил.1 Вид Андроникова монастыря с запада. 1940-е гг. ГНИМА. Ф.Р XIV. Оп.9. Д.64. Л.5
fig.1 View of the Andronikov Monastery from the west. 1940s. Shchusev Museum of Architecture, fund P XIV, inventory 9, case 64, page 5

В акте осмотра было отражено плачевное состояние здания палат: «находится в заброшенном состоянии... с сентября 1941 года по настоящее время ничем не прикрытые своды подвергались воздействию атмосферных осадков и находятся под угрозой обрушения... металлические связи и затяжки сводов были нарушены в результате некультурного отношения памятника и приспособления его под жилье ...»² Комиссией были предложены срочные противоаварийные меры по спасению памятника, которые, впрочем, не были проведены.

15 мая 1945 г. Барановский, который в тот момент был в должности начальника отдела реставрации ГУОП, сделал сообщение на заседании комиссии Ученого совета ГУОП о строительных работах, которые проводились в здании трапезной. Происходившее было резко им раскритиковано и охарактеризовано как «работы, искажающие памятник»³. По итогу обсуждения было постановлено работы прекратить, оформить проект и выделить П.Н. Максимова для наблюдения за ходом работ. Как явствует из дальнейшей переписки, работы были прекращены, но здание продолжало использоваться под общежитие солдат и склад извести.

Серьезный сдвиг в судьбе памятника произошел в конце 1946 г., когда 12 декабря Начальник Главснаба Комитета по делам архитектуры ходатай-

2 ГНИМА. Ф.Р-ХIV. Оп.9. Д.52. Л.5.

3 Там же. Л.7–8.

2

ил.2 Трапезная палата, южный фасад. 1940-е гг. ГНИМА. Ф.Р XIV. Оп. 9. Д. 64. Л. 14

fig.2 Refectory south facade. 1940s. Shchusev Museum of Architecture, fund P XIV, inventory 9, case 64, page 14

3

ил.3 Трапезная палата, северный фасад. 1940-е гг. ГНИМА. Ф.Р XIV. Оп. 9. Д. 56. Л. 14

fig.3 Refectory, northern facade. 1940s. Shchusev Museum of Architecture, fund P XIV, inventory 9, case 56, page 14

ствовал о передаче здания трапезной в пользование Комитета с последующим восстановлением⁴. К этой просьбе присоединялось и ГУОП.

В итоге постройка была передана 5 февраля 1947 г. в пользование Комитета по делам архитектуры. Приказом от 21 марта 1947 г. ГУОП было поручено провести реставрацию.

Этот приказ стал решающим в истории памятника, состояние которого к тому моменту было угрожающим. Разработка проекта была поручена П.Д. Барановскому, «за особую оплату», то есть учитывалась как дополнительная нагрузка⁵.

Автор так вкратце описывал те принципы, которые были им положены в основу составления проекта: «1. Восстановление строительных конструкций, находящихся ныне в аварийном состоянии. 2. Реставрация всех архитектурных элементов, имеющих историко-архитектурную ценность. 3. Рациональное использование здания для задач Комитета без нарушения внешней и по возможности внутренней архитектуры здания»⁶.

4 ГНИМА. Ф.Р-XIV. Оп. 9. Д. 52. Л. 11.

5 Там же. Л. 26.

6 ГНИМА. Ф.Р-XIV. Оп. 9. Д. 65. Л. 4.

Подготовленный им предварительный проект реставрации трапезной палаты с церковью был рассмотрен на заседании Секции реставрации ГУОП 30 июля 1947 г. В ходе заседания по проекту высказывались архитекторы П.Н. Максимов, Н.Д. Виноградов, Иванов (без инициалов. — А.О.). По итогу было решено: «Представленный эскизный проект утвердить, крышу над трапезной сделать четырехскатную, с углом наклона в 45 град. Надстройку XVIII в. над алтарной апсидой не восстанавливать, как сильно поврежденную переделками и не имеющую художественной ценности, используя кирпич для проводимых работ»⁷.

В 1947 г. работы по реставрации выполнялись силами артели «Художник-оформитель», очевидно не имевшей большого опыта в работе над памятниками архитектуры, что вызывало многочисленные споры и нарекания со стороны Барановского, в том числе требования приостановки работ из-за ненадлежащего архитектурного надзора⁸.

Судя по документам, сохранившимся в архиве П.Д. Барановского, работы велись достаточно активно, при этом многие возникающие вопросы решались ситуативно⁹. Сам автор проекта вел контроль эпизодически, что было связано с его занятостью на других памятниках.

В этот период надзирающим архитектором был назначен Григорий Федорович Сенатов, который на месте осуществлял руководство обмерными работами и каменщиками.

С начала 1948 г. работы на Трапезной церкви Андроникова монастыря начала вести «Экспериментально-строительная площадка Комитета по делам архитектуры». На этот год П.Д. Барановским был составлен план-график, который подразумевал как исследовательские, главным образом обмеры и зондажи, так и производственные работы, причем исследования планировалось в течение года окончательно завершить¹⁰.

В архиве сохранились дневники реставрационных работ, проводившихся на памятнике с февраля по июнь 1948 г. Начал их вести архитектор В.Г. Шпилев, затем О.С. Горбачёва, а потом дочь П.Д. Барановского О.П. Барановская. В дневниках подробно по дням зафиксирован ход работы: обмеры, расчистки, воссоздание утраченных элементов, разборки позднейших частей.

19 июня 1948 г. были утверждены дополнения к проектному заданию и приспособлению помещения Трапезной под реставрационные мастерские Академии архитектуры.

Вместе с тем Барановский неоднократно подвергал критике действия рабочих «Экспериментально-строительной площадки». Ввиду ненормального, по его мнению, положения он грозился отказаться от производства научной фиксации и несения ответственности за ведение проекта. В качестве

7 ГНИМА. Ф.Р-XIV. Оп. 9. Д. 51. Л. 31.

8 Там же. Л. 32, 38.

9 Там же. Л. 43–44.

10 ГНИМА. Ф.Р-XIV. Оп. 9. Д. 53. Л. 5.

«мер устрашения» строительной организации он предлагал произвести финансовый расчет с ней по ряду работ не по нормам реставрационных работ, а по нормам на обычные ремонтно-строительные работы¹¹.

На основании проведенных работ 1947–1948 гг. П.Д. Барановским был подготовлен уже полноценный проект реставрации, который был утвержден на заседании Ученого совета ГУОП 6 декабря 1948 г.

В пояснительной записке к проекту П.Д. Барановский отмечал, что в основе его авторских решений была «реставрация памятника с выявлением архитектурных особенностей палаты как памятника XVI в. с одновременным сохранением и реставрацией Архангельской церкви как памятника XVII–XVIII вв., то есть с возможностью одновременного существования этих двух частей одного организма, но имеющих каждая свое самостоятельное лицо и независимую одна от другой архитектурную ценность»¹². То есть изначально им было принято решение о сохранении обеих исторических частей здания или, как он сам писал, «ценных последующих наслоений»¹⁴.

В тексте проекта П.Д. Барановский неоднократно подчеркивал, что палата была самостоятельным объемом и первоначально имела открытый восточный фасад. В качестве доказательства он приводил наличие трещины образовавшейся между объемами палаты и Архангельской церкви, шириной около 5 см, в которую была видна восточная стена, имевшая побелку.

Также им описывались найденные при обмерах и раскрытиях элементы первоначального восточного фасада Трапезной палаты: «...в средней части примыкания, в области карниза виден с чердака остаток свода от какой-то пристройки более ранней, чем существующая Архангельская церковь, но и не первоначальной, о чем можно судить по характеру подрубленной пяты свода и размеру кирпича этого свода»¹⁵.

В южной части восточной стены на уровне ее окон им был найден точно документированный след древнего окна, в виде канала для деревянного засова.

В восточной стене подклета Трапезной палаты, в центральной его части, полностью сохранилось окно, «свидетельствующее также, что сплошного примыкания здесь первоначально не было, и восточный фасад палаты был открыт с монастырского двора»¹⁶. Там же, на юго-восточном углу, в месте примыкания Архангельской церкви сохранилась снаружи пята арки, а в северо-западном углу сохранилась полная арка, что, по мнению Барановского, могло являться остатком галереи, проходившей первоначально перед восточным фасадом.

Именно это мнение архитектора о Трапезной палате как ранее самостоятельном объеме легло в основу его решения о выделении ее как самостоятельного архитектурного элемента и о форме ее крыши, отделенной от обще-

11 ГНИМА. Ф. Р-ХIV. Оп. 9. Д. 52. Л. 1–55.

12 Там же. Л. 50–52.

13 ГНИМА. Ф. Р-ХIV. Оп. 9. Д. 66. Л. 25.

14 Там же.

15 Там же. Л. 29.

16 ГНИМА. Ф. Р-ХIV. Оп. 9. Д. 67. Л. 30–32.

ил.4 Вид Трапезной палаты и Спасского собора с востока. 1940-е гг. ГНИМА. Ф. Р ХIV. Оп. 9. Д. 64. Л. 6

fig.4 View of the Refectory and Spassky Cathedral from the east. 1940s. Shchusev Museum of Architecture, fund P XIV, inventory 9, case 64, page 6

го покрытия церкви. На основании аналогий, в первую очередь покрытия Грановитой палаты Московского Кремля, им было решено воссоздать четырехскатную кровлю, которая к тому же позволяла сохранить наличники окон и двери западного фасада Архангельской церкви.

Следующим пунктом, на котором автор заострял внимание, был вопрос о формах восстановления северного объема палаты. Опираясь на ряд признаков, таких как: пяты крестового свода, древняя лестница, кладка нижнего этажа, Барановский предположил, что эта часть памятника была первоначальной, служившей сенями основной палате и в XVIII в. подверглась коренной перестройке. Им было подчеркнуто ее обязательное сохранение, однако при отсутствии данных о ее первоначальном декоре было предложено восстановить в формах XVII в.

По проекту, в части воссоздания фасадов, П.Д. Барановским были предложены к восстановлению по 4 древних окна в западной и южной стенах палаты, а также было решено восстановить еще 2 окна на месте широких растесанных дверных проемов в восточной стене, для воссоздания возможно полного внутреннего вида палаты. Фасады северной пристройки восстанавливались

в том виде, какой она получила после перестройки конца XVII в. Местоположение оконных проемов устанавливалось способом «разверстки» древнего кирпича, по наружному и внутреннему периметру стен с учетом установленных закономерностей и системы перевязки швов. Также положение окон было подтверждено находкой отверстий для оконных засовов. Окна подклета палаты восстанавливались по найденным в ходе исследований остаткам.

Не обошел вниманием автор и вероятность существования круглых окон «второго света» над парными окнами каждого членения фасада, по аналогии с другими памятниками этого времени. Однако из-за перестроек 1930-х гг. вся плоскость фасада, где могли быть следы этих окон, была полностью переложена, что и привело к логичному отказу от воссоздания этого элемента.

Отдельное внимание П.Д. Барановским было заострено на восстановлении терракотового фриза палаты. Исходя из обследований, он так описывал его состояние: «Он (фриз. — А.О.) оказался по южному фасаду весь первоначальным, но с терракотовыми плитками, сохранившимися только фрагментарно, в связи с обработкой в утраченных местах оконными наличниками конца XVII в. По западному фасаду терракоты полностью отсутствуют, и здесь карниз, по-видимому, переложено в XVII в. По северному фасаду Трапезной, где примыкали „сени“, карниз мог быть только в восточной части стены, но здесь она разобрана, и никаких следов карниза не сохранилось. По восточной стене остатки первоначального карниза сохранились в северной его части от угла до пилястры»¹⁷. Во всех видимых частях древней Трапезной первоначальный карниз предполагался к восстановлению, за исключением западного фасада, сильно переложено в области карниза и не наблюдаемого с близкого расстояния.

В интерьере палаты предполагалось восстановить разрушенные своды над северной пристройкой, древние дверные проемы между трапезной и северной пристройкой, внутренние стены в первом этаже трапезной, а также входную арку на восточном фасаде северной пристройки и лестницу, ведущую из нижнего в верхний этаж. Кроме того, внутри трапезной предполагалось восстановление белокаменных сводов. Детали центрального столба восстанавливались по фотографиям, сделанным ЦГРМ в 1920-е гг. Пол палаты, вероятно, исторически бывший деревянным, предполагалось восстановить на уровне, зафиксированном в 1920-е гг., настилку произвести гончарными плитками черного и белого цветов, приняв за образец сохранившийся пол алтаря Архангельской церкви.

В северной стене палаты предполагалось воссоздать обнаруженный дверной проем, от которого сохранилась только часть восточной притолоки и арки, по которой были вычислены радиус и ширина проема, определенная примерно в 1 м.

В Архангельской церкви предполагалась заделка новых оконных проемов с восстановлением поврежденных наличников и карнизов, воссозданием

17 ГНИМА. Ф. Р-ХIV. Оп. 9. Д. 67. Л. 31.

верха церкви, разборка надстроек над углами четверика и пристройки над алтарем. Окна второго этажа северного фасада и двери, ведущие туда с верхней площадки северной лестницы, планировалось восстановить в первоначальном виде, тогда как окна нижнего этажа и северную лестницу предлагалось оставить в существующем виде ввиду отсутствия данных.

Восстановление надалтарной пристройки было признано нецелесообразным из-за ее состояния, «бедности архитектурных форм», а также для того, чтобы открыть восточный фасад церкви с тремя окнами.

На представленный Барановским проект был дан положительный отзыв архитектором П.Н. Максимовым¹⁸.

5 января 1949 г. Комитетом по делам архитектуры при совете министров СССР был утвержден технический проект реставрации, на основании которого был составлен двухлетний план реставрационных работ, касавшийся, главным образом, внешнего вида здания, в том числе расчистки терракотового карниза и дополнения недостающих частей, укрепления грунтов с устройством отмотки, возобновления покрытий и окраски фасадов¹⁹.

Отдельно П.Д. Барановским в апреле 1949 г. разрабатывался способ устранения крена северной стены палаты, причина которого была, по его мнению, в том, что, когда здание оставалось без кровли, свод перекрывающий нижний этаж, подвергаясь промоканию, производил распор на стены, а также из-за осадки фундамента после устройства траншей под зданием в 1941 г.²⁰ (для оборудования точки ПВО. — А.О.). Способ состоял в сооружении деревянных подкосов, движущихся с помощью домкратов деревянных направляющих при одновременном подтягивании верха стены тросами лебедок. Проект был просчитан инженером А. Бухаровым и признан целесообразным.

Сложность исполнения проекта восстановления Трапезной палаты и его важность для развития советской реставрации была подчеркнута в сохранившемся в архиве П.Д. Барановского письме начальника ГУОП Ш.Е. Ратия к Б.Р. Рубаненко, которое можно датировать апрелем–маем 1949 г. В нем объяснялась сложность производства работ и их организации: «По специфике реставрационных работ в этих объектах, крайне измененных перестройками в течение многих столетий, проект реставрации будет формироваться только по мере выполнения реставрационных работ с соответствующим раскрытием деталей и особенностей, которые установить иным способом невозможно. Ввиду крайней перемешанности работ строительных, исследовательских, фиксационных и проектных, никакая чисто проектная организация не в состоянии взять на себя составление документированного проекта реставрации. По этой же причине представляется правильным объединить работы по данным проектам в одной организации, подобно тому, как это раньше имело

18 ГНИМА. Ф. Р-ХIV. Оп. 9. Д. 66. Л. 74–76.

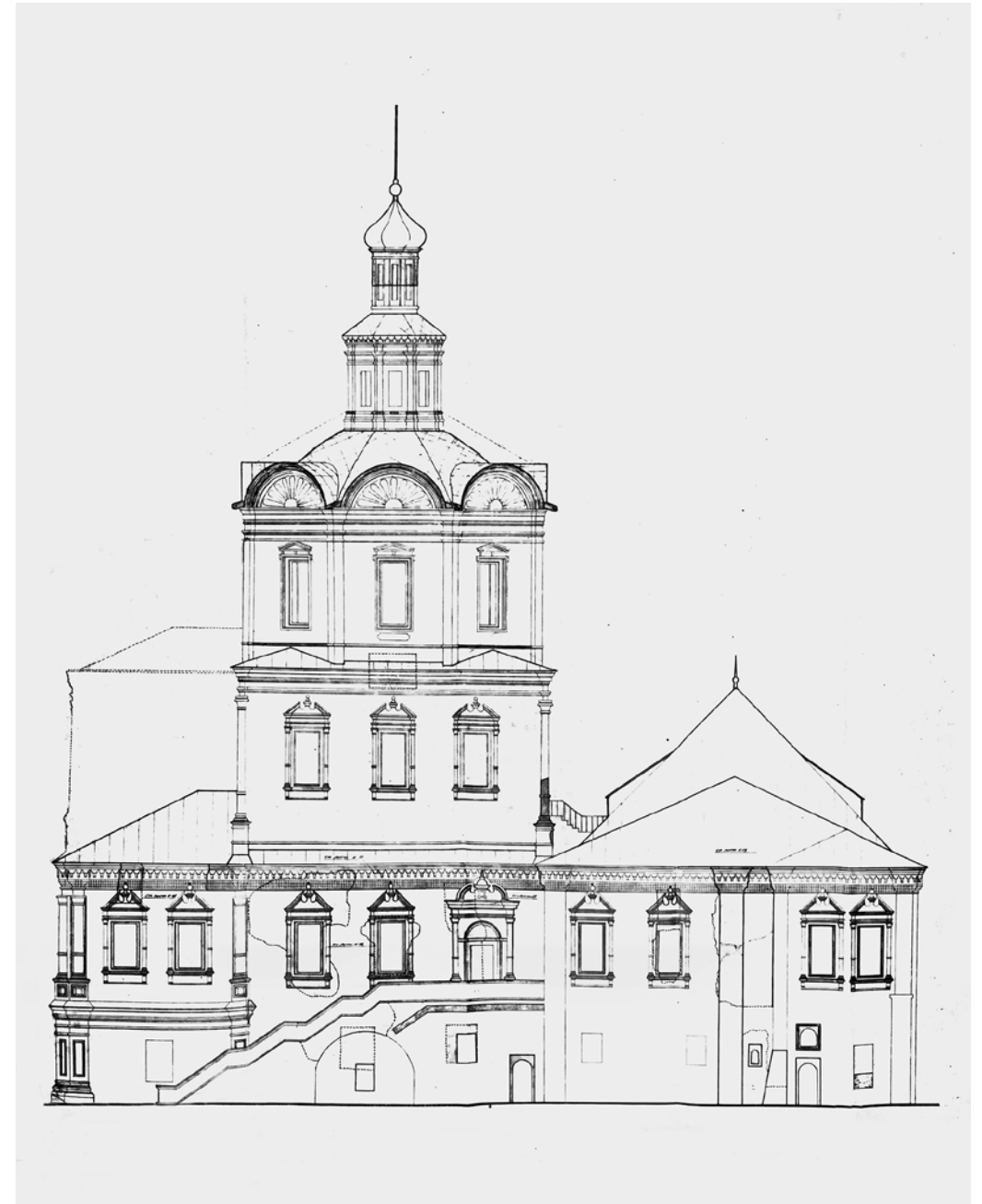
19 ГНИМА. Ф. Р-ХIV. Оп. 9. Д. 54. Л. 1.

20 Там же. Л. 12–15.

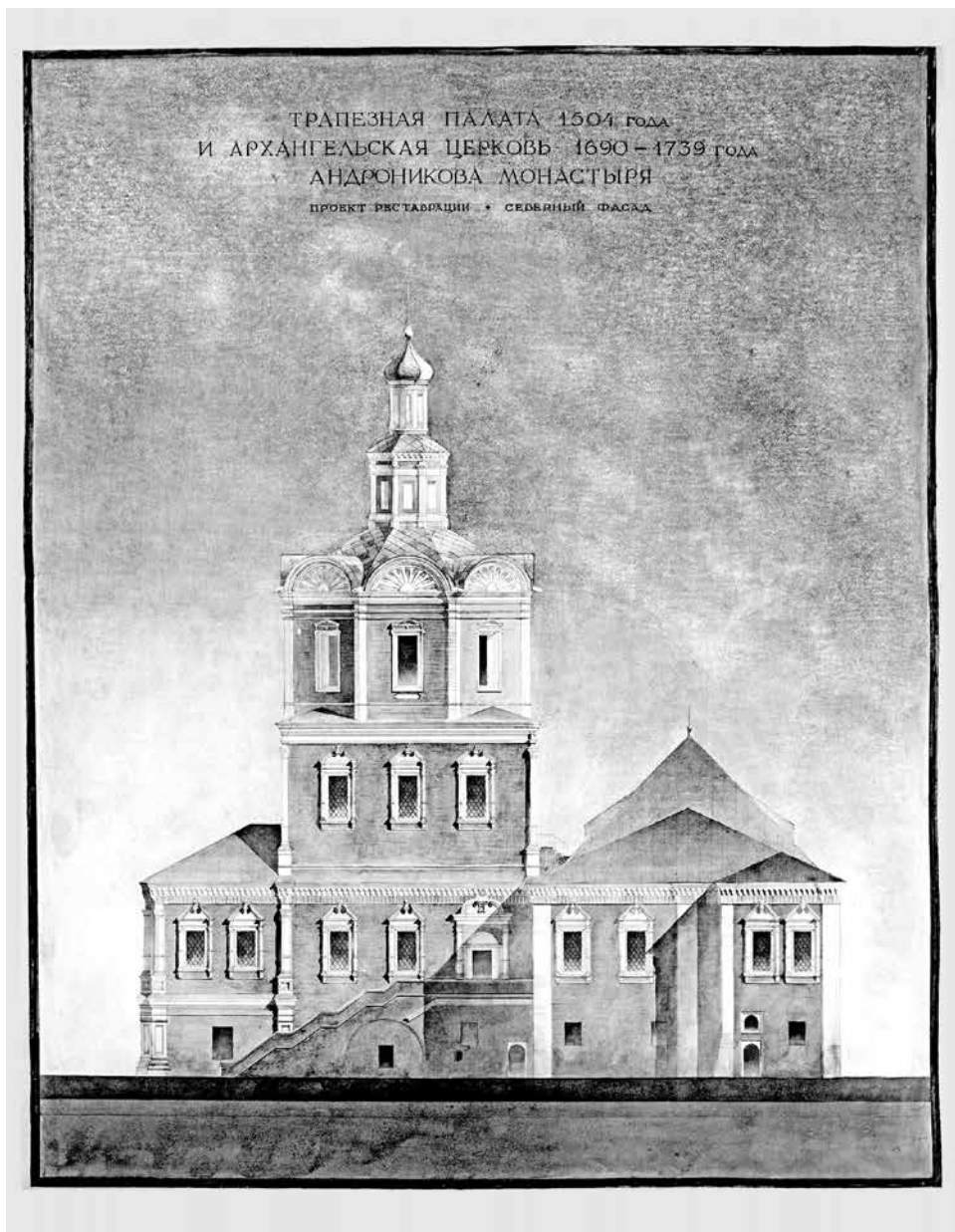
ил.5 Проект реставрации. Южный фасад с обозначением восстанавливаемых частей. 1948 г.
ГНИМА. Ф. Р XIV. Оп. 9. Д. 67. Л. 4

fig.5 Restoration project. South façade with designation of parts to be restored. 1948
Shchusev Museum of Architecture, fund P XIV, inventory 9, case 67, page 4

ил.6 Проект реставрации. Северный фасад с обозначением восстанавливаемых частей. 1948 г.
ГНИМА. Ф. Р XIV. Оп. 9. Д. 67. Л. 6

fig.6 Restoration project. North façade showing parts to be restored. 1948. Shchusev Museum
of Architecture, fund P XIV, inventory 9, case 67, page 6

ил. 7 Проект реставрации. Северный фасад. 1948 г. ГНИМА. Ф. Р V 2763/3
 fig. 7 Restoration project. North façade. 1948. Shchusev Museum of Architecture, fund P V 2763/3

место в ЦГРМ, как это организовано сейчас в Загорской реставрационной мастерской и других местах»²¹. Таким образом видно, что реставрация Трапезной палаты была своеобразной пробой сил для послевоенной советской реставрации, поиском рабочих методов и организационных решений.

Однако в дальнейшем история восстановления памятника и роль П.Д. Барановского в ней получили довольно неожиданное развитие. Непосредственный надзор за исполнением своего проекта Барановский вел до февраля 1950 г., когда им было направлено в адрес заместителя министра городского строительства Г.А. Симонова письмо, остро критикующее работы «Экспериментально-строительной площадки», которые им назывались «вредной практикой», и где он призывал немедленно прекратить все работы. Отдельно П.Д. Барановский протестовал против продления подрядного договора с «Экспериментально-строительной площадкой» и, в случае его продолжения, просил освободить его от авторского надзора и ответственности. После этого Петр Дмитриевич действительно самоустранился от работы на памятнике.

Впоследствии, уже в 1954 г., П.Д. Барановский в письмах заведующему Центральной проектной реставрационной мастерской (далее — ЦПРМ) Л.А. Петрову и главному архитектору Управления производства реставрационных работ (УПРМ) С.А. Алтухову указывал на то, что с ним как с автором проекта не согласовывают детали работ представители архитектурного надзора. Что вылилось в совещание комиссии ГУОП, посчитавшей что «проведение работы по реставрации без привлечения автора утвержденного проекта является неправильным» и привлечение Барановского необходимо²³.

Однако по итогам дальнейших разбирательств в ЦПРМ основным автором проекта был признан Г.Ф. Сенатов, с объявлением благодарности. За П.Д. Барановским оставались авторские права по эскизному проекту, а также по всем работам до 1951 г.²⁴

Таким образом, на основании краткого обзора реставрации Трапезной палаты Андроникова монастыря в 1940-е гг. можно оценить состояние, в которое пришел памятник к этому времени, увидеть условия и причины появления тех архитектурных решений, которые сформировали современный облик палаты. Также стоит подчеркнуть ключевую роль П.Д. Барановского как человека, пробудившего интерес к памятнику, подготовившего проект реставрации и проводившего исследовательские работы на памятнике на протяжении 1947–1950 гг.

21 ГНИМА. Ф. Р-XIV. Оп. 9. Д. 54. Л. 77.

22 Там же. Л. 39–41.

23 Там же. Л. Л. 45.

24 Там же. Л. 50–52. Стоит также отметить, что в 1960 г. П.Д. Барановский был награжден за участие в работе по восстановлению Андроникова монастыря почетной грамотой «Министерства культуры РСФСР и ЦК профсоюзов работников культуры» по представлению ЦПРМ.

ЛИТЕРАТУРА

- Оксенюк А. А. Архивные материалы о деятельности П. Д. Барановского по сохранению памятников Андроникова монастыря в Москве в 1920–1950-е годы // Россия. Грузия. Христианский восток. Духовные и культурные связи. Сб. ст. по материалам VI Научных чтений, посвященных памяти Д. И. Арсенишвили. М.: Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, 2019. С. 150–153.
- Потапов А. А. Очерк древней русской гражданской архитектуры. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1902. Вып. 1. 121 с.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

К истории формирования современного облика Трапезной палаты Андроникова монастыря

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Оксенюк Анатолий Анатольевич — кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе, Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева, ул. Воздвиженка, 5/25, Москва, Российская Федерация, 119019 oksenuk2@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена реставрации Трапезной палаты Андроникова монастыря, происходившей в 1940-е гг. Впервые на основании архивных сведений показаны авторские решения, которые сформировали современный облик палаты. Освещаются такие темы, как состояние памятника перед реставрацией, роль и авторство П. Д. Барановского в проекте реставрации, состоянии реставрационной отрасли в 1940-е гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Андроников монастырь, Трапезная палата, Петр Дмитриевич Барановский, реставрация, древнерусская архитектура.

TITLE

On the history of the formation of the modern appearance of the Refectory of the Andronikov Monastery

AUTHOR

Oksenyuk, Anatoly Anatolyevich — Ph. D. (History), Deputy Director for Scientific Work, Schusev State Museum of Architecture, Vozdvizhenka St., 5/25, 119019 Moscow, Russian Federation. oksenuk2@yandex.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the restoration of the Refectory of the Andronikov Monastery that took place in the 1940s. For the first time, on the basis of archival information, the author's solutions that have formed the modern look of the chamber are shown. Such topics as the state of the monument before restoration, the role and authorship of P. D. Baranovsky in the restoration project, the state of the restoration industry in the 1940s are covered.

KEYWORDS

Andronikov Monastery, Refectory, Peter Dmitrievich Baranovsky, restoration, Old Russian architecture.

REFERENCES

- Oksenyuk A. A. Archival materials about the activities of P. D. Baranovsky on the preservation of the monuments of the Andronikov Monastery in Moscow in the 1920–1950s. *Rossija. Gruzija. Hristianskij vostok. Duhovnye i kul'turnye svjazi. Sbornik statej po materialam VI Nauchnyh chtenij, posvjashhennyh pamjati D. I. Arsenishvili (Russia. Georgia. Christian East. Spiritual and cultural ties. Collection of articles based on materials of the VI Scientific readings dedicated to the memory of D. I. Arsenishvili)*. Moscow, The Central Andrey Rublev Museum of Ancient Russian Culture and Art Publ., 2019, pp. 150–153 (in Russian).
- Potapov A. A. Oчерk drevnej russkoj grazhdanskoj arhitektury (Essay on ancient Russian civil architecture). Moscow, Association of Printing House of A. I. Mamontov Publ., 1902, issue 1. 121 p. (in Russian).